

**Константин
ГНЕТНЕВ**

г. Петрозаводск



ЖИЗНЬ И СУДЬБА: ВОСПОМИНАНИЯ

Сейчас, когда я пишу эти строки, по России разползается кругами из Москвы дискуссия, развешивать или нет по столице гигантские парадные портреты Сталина? Как же – 65-летие Победы, генералиссимус, организатор и вдохновитель каких-то там «ударов». Наши власти вообще удивительно плодovиты на идеи, раскалывающие общество.

И я из далекой провинции самый малый от граждан, которых никто никогда не спрашивает ни о чем серьезном в делах страны, считаю: пускай развешивают! Но при одном условии: чтобы книгу, которую я только что закрыл, издали стотысячным тиражом. Чтобы она была в каждом киоске и в каждой библиотеке страны. Чтобы её рекомендовали школьникам и студентам в списке литературы, обязательной для чтения.

При таком условии мы можем быть спокойны. Хоть всю страну обвешай портретами, отношение

к Сталину будет таким, каким оно и должно быть, какое он заслужил.

Автор толстого (почти 700 страниц) тома мемуаров (Жизнь и судьба: Воспоминания/ Аза Тахо-Годи.– М.: Молодая гвардия, 2009) не политик, не государственный деятель и не писатель, а ученый. Причем сфера научных интересов внешне чрезвычайно далека от злободневности мимотекущей жизни. Аза Алибековна Тахо-Годи всю свою долгую жизнь занимается классической филологией, то есть языком и литературой греко-римского мира.

Её имя хорошо известно в научном и не только научном мире. Московский областной пединститут, 30 лет профессорства и заведования кафедрой в Московском государственном университете, 30 лет в Литературном институте им. А.М.Горького и на Высших литературных курсах в Москве... Тысячи студентов, сотни писателей, слушавших её лекции об античной литературе, с большим или меньшим успехом сдававших экзамены (Римма Казакова, Новелла Матвеева, Николай Рубцов («...ямба от хоря не отличал – зачем это знать вдохновенному поэту?»)).

Уверен, и сегодня среди читателей журнала наверняка немало найдётся тех, кто упоительно слушал вдохновенные лекции Азы Алибековны, а затем с трепетом шел к её столу с раскрытой зачёткой в руках.

Говорят, была строга.

Строга она и в своих воспоминаниях.

Материнская ветвь её коренится в терском казачестве, в именитом и славном роду Семеновых. Лихие служаки, воины, мужчины этого рода не чуждались культуры, были образованны, знали историю края.

Отец Азы, Алибек Тахо-Годи, из дагестанской интеллигенции, из узденей, то есть немногочисленного сословия свободных образованных людей, из которых выходили ученые, кадрии (судьи), знатоки законов и арабского языка.

Оба рода вырублены большевиками подчистую.

Отец, немало потрудившийся на советскую власть, ученый, великолепный организатор, сдлавший блестящую карьеру, был арестован 22 июня 1937 года. Заседание «тройки» по делу продолжалось всего 15 минут, и в тот же день его расстреляли. Маму Нину Петровну арестовали следом, 5 лет она провела в лагерях Темников и Потьмы, чтобы выйти живой (редкая удача!), но полным инвалидом.

За что? Ни за что.

«Вы видели когда-нибудь газетные снимки не-

мецких концлагерей, Освенцима или Маутхаузена, да и любого, на которых заключенные живые скелеты – свидетельство нацистских преступников? Мне теперь даже и видеть эти снимки не надо. Я видела мою мать... Наши родные, советские исправительно-трудовые лагеря поспорят с нацистскими... Но там хоть был Нюрнбергский процесс...»

«Так исчезали тысячи подобных нам семей, – пишет А.А. Тахо-Годи. – И еще удивительно, что трое из нас выжили, выросли и начали самостоятельную жизнь, дождавись 1956 года, реабилитации отца и матери...»

Каким же трудным было это выживание! Тайное и явное преследование во время учебы (член семьи «врагов народа»), обиды, чрезвычайные трудности в поисках работы. Но при этом удивительно ровный, ироничный стиль воспоминаний, одинаковый для описания родни, зараженной мещанством и расхитившей вещи из родительского дома, или Сталина, обращающегося к стране:

«Слышим неожиданно (вот благодетельная радиоточка) знакомый голос (акцент грузинский) и вместе с тем непривычный, как будто неуверенный, просящий, а не приказывающий: «Братья и сестры!...» (Господи, до чего дожили!) Каждый шорох слышен – зубы стучат о стакан, вода булькает – пьет, волнуется. Чудеса, да и только. Значит, дела плохи».

«До чего же все это противно. И зачем я вспоминаю эту гадость?» И сама себе отвечает: «В науке все факты важны...» И к авторству в вольных вроде бы мемуарах она относится безо всякого снисхождения – как к науке.

Отношению к науке научили её «духовные родители»: выдающийся русский философ XX века Александр Федорович Лосев и его супруга, математик и астроном Валентина Михайловна Лосева – оба бывшие заключенные Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ НКВД СССР, так же арестованные по вымышленному делу.

«Вспоминая свою жизнь, я неизменно вспоминаю моих духовных родителей. Пишу о себе и невольно пишу о них. Иначе невысказанно. Что я без них? Кто я без них?»

Придя в дом Лосевых на Арбат, 33 вчерашней студенткой, Аза Алибековна свою большую творческую жизнь посвятила Алексею Федоровичу, приняв от Валентины Михайловны нелегкий крест служения великому человеку, несгибаемому ученому, мыслителю с мировым именем, до конца жизни гонимому и преследуемому людьми недобросовестными и приспособленцами всех мастей. О деле всей долгой жизни Лосева автор пишет совсем просто:

«А.Ф. Лосев своими книгами пытался осуществить ту самую связь времен, которая грозила распасться в 1920-е годы и, в конце концов, в ряде гуманитарных наук, в том числе философии и классической филологии, была уничтожена...»

О чем эта книга? Что поведал нам автор, за плечами которого громадная жизнь («я гораздо старше пресловутого гомеровского старца Нестора»)?

Вовсе не о Сталине и всей его большевистской камарилье – о них в книге совсем мало. И не об уничтожении народа, безоглядно вершившемся от южных и до северных границ вовсе не только в 1937 году, но с зимы 1917 года. Не о разрушении мощного научного потенциала великого государства, разрушении не только лагерем, тюрьмами, но тупым вредительством и профессиональным развратом парткомов.

Так о чем же тогда?

О том, как следует жить человеку на этой земле. Как относиться к себе и к собственной жизни, к образованию и труду. Чтобы, пройдя отпущенный путь и глядя в лицо неизбежности, не было стыдно. Тот запоздалый стыд, когда ничего невозможно поправить, для каждого будет особенно ужасен.

И об отношении к Богу тоже. Ибо, как утверждает автор, всё в Его руках. «...Неведомы нам высшие решения, а мы волнуемся, страдаем, плачем... Надо уповать на Господа и Ему доверять».

Какие там сталинские портреты? При чем тут они? О собственной жизни задуматься нужно – иронично, жестко и без снисхождения – так, как делает это Аза Алибековна Тахо-Годи в книге воспоминаний «Жизнь и судьба». Точнее, так, как она учит нас делать это.



Юрий ЛИННИК

г. Петрозаводск

Из-за своей крайне плохой сохранности эта маленькая икона претерпела списание. Она была обречена на уничтожение. Виртуальная пламя уже облекало её, когда в него бросился Виктор Петрович Ершов – и спас икону от гибели. Реставрация – как локальное Преображение: икона воистину просияла. Огнезарная, духоносная! Она отблагодарила своего спасителя, открыв ему семантические глубины, раньше ускользавшие от взгляда. Икона оказалась воистину бездонной, неисчерпаемой. Если здесь уместно это языческое выражение, то можно сказать так: икона заморозила исследователя – взяла его в свой благодатный плен. Результатом стала беспрецедентная **монография**^{*}. Мало признаться, что она читается взахлёб – главное тут вот что: пожалуй, впервые в одну конкретную икону мы можем благодаря В.П. Ершову всмотреться столь пристально – углубиться в детали с такой небывалой доселе дотошностью – подойти к предмету изучения со всех мыслимых сторон. Скромному произведению старообрядческой иконописи задан воистину всемирный контекст. Для аналогий и параллелей привлекается материал самых разных культур. Рядом с поморской иконой мы видим и кетский костюм, и тибетскую танку. Ничего натянутого! Изоморфизмы убедительны и доказательны. В связи с проблемой поликефалии В.П. Ершов использует ключевое для него выражение: «ассоциативный ряд» (с. 57). Структуру монографии я определил бы следующим образом: перед нами сложная система ассоциативных рядов – внутренне она закономерна, как бы периодична. У этих замечательных рядов есть тенденция уходить в бесконечность! Они не хотят останавливаться в своём блистательном разворачивании. Как небольшое произведение могло притянуть к себе столь обширный сравнительный материал? Эрудиция исследователя универсальна.

Погрузив икону в небывало мощное ассоциативное поле, В.П. Ершов помогает нам по-новому взглянуть на Русский Север, проявивший и закрепивший фундаментальные архетипы мировой культуры.

Миф всегда сопровождает человека. Но тут есть и подъёмы, и спады. Спасённая В.П. Ершовым икона со всей остротой ставит вот какую проблему: раскол в Русской Церкви привёл к ярчайшей вспышке мифотворчества – старообрядческая среда оказалась благодатной для генерации новых космологических и эсхатологических идей, внутри неё возникла уникальная модель мира – выстроился севернорусский крестьянский космос, органично соединивший в себе языческие и христианские мотивы. Этот космос конгениально проявлен в поэзии Н.А. Клюева. В.П. Ершов постоянно обращается к его творчеству. Исследование словно орнаментировано стихами поэта. Кажется, что они звучат из пространства анализируемой иконы – столь здесь глубок сущностный унисон. Получается так, что Н.А. Клюев подкрепляет аргументы исследователя – и это не только убеждает на чисто логическом уровне, но и захватывает эмоционально.

Архистратиг Михаил в восприятии северных крестьян оказывается необыкновенно сложной фигурой – вот некоторые его грани, выявляемые в монографии:

- Михаил может замещать Христа;
- порой он отождествляется с Михаилом Фёдоровичем – последним, в представлении старообрядцев, праведным царём;
- низвергнувший дьявола с небес, архистратиг однажды оказался и сам низринутым оттуда – разгневал Бога своим состраданием умирающей роженице, которая благодаря ему дала жизнь двум дитятам (записано от В.П. Щеголёнка);
- В.П. Ершов считает возможным рассматривать Михаила в ряду умирающих и воскресающих божеств, куда он включает не только Адониса или Осириса, но и Христа. Право же, христианство возникло не на пустом месте – под ним хорошо просматривается языческая матрица. Сегодня об этом говорят впрямую. А зря! Надёжно выверенный атеизм сослужил В.П. Ершову добрую службу. Он не зашорен. Огромная любовь к христианской культуре сочетается в нём с абсолютной невоцерковлённостью. Это нормально. И это хорошо! Свободный исследователь, В.П. Ершов позволяет себе ходы мысли, которые начётчикам могут показаться рискованными,

^{*} Ершов В.П. Старообрядческая икона-примитив XVIII века «Архангел Михаил – воевода». Петрозаводск, 2008

если не еретическими. Но исследование только выигрывает от этого.

Вместе с В.П. Ершовым мы как бы сканируем икону – подолгу задерживаемся в разных локусах её многоуровневого пространства, выявляя их смысловое наполнение. Сколь же оно богато!

Вот изображения Солнца и Луны. На них накладывается и оппозиция мужского-женского, и коллизия жизни-смерти, и даже дифизитство Христа. При анализе четырёх ангелов нам предстаёт целая феерия различных тетрактид. А чего стоит глава о крыльях? Мы явственно слышим их полифонический шум: Психея и Ника, Ахурамазда и Гор, Вишну и Фреда – о сопровождении огнекрылого архангела мы тут сказали отрывочно, фрагментарно. У В.П. Ершова этот ассоциативный ряд весьма обширен.

Смею назвать В.П. Ершова интереснейшим герменевтиком иконы. Архетип змеборчества в нашем сюжете заявлен прямо. Но неявно он продублирован и в боковых фигурах Власия и Модеста. Относительно них В.П. Ершов выдвигает смелую гипотезу. В ней нетривиально соединяются языческие и христианские реалии. Суть истолкования можно выразить в виде такого условного уравнения:

ПЕРУН = МОДЕСТ
ВЕЛЕС ВЛАСИЙ

Подчёркивая, что это соотношение нельзя понимать однозначно, напомним следующее:

- христианский Власий наследует языческому Велесу-Волосу, чья хтоническая – порой змееподобная – природа установлена в структуралистских исследованиях;

- известна икона «Модест – патриарх», где святой изображён как умертвитель змея;

- двойничество персонажей может указывать как на их симбиоз, так и на антагонизм.

Все эти реминисценции вовсе не ведут к выводу, что Модест – аналог Михаила, а Власий замещает его противника. Оба святых находятся в позитивном ценностном поле. Как же иначе? Тем не менее на неисповедимо глубоком бессознательном уровне их определённая альтернативность могла еле уловимо означиться. Замечу, что старообрядческие иконы представляют интерес ещё и потому, что они с особой силой и выразительностью проявляют коллективное бессознательное – через них народ обнаруживал свои затаённые, окончательно ещё не отрелексированные чаянья. Это вполне возможно: совмещение в подходе к иконам такого типа методов герменевтики и психоанализа – ведь перед нами необыкновенно сложный, многослойный текст.

Тема змеборчества имела для старообрядцев и

внешний (Антихрист уже пришёл), и внутренний аспект (надо страшиться инвазии змея). Поэтому – пишет В.П. Ершов – необходимо победить его «в себе, как это сделал Власий» (с.210). Неожиданный и перспективный ход мысли! Невольно вспоминаешь изображение Кекропа на фронтоне Парфенона: получеловек-полузмея, он уже одолел в себе хтоническое начало – рядом с ним мы видим свёрнутое спиралью чешуйчатое тулово. Оно отброшено за ненадобностью – это своего рода выползок, реликт прошлого. Такую метаморфозу проделал и Волос, превращаясь во Власия? Подобные вопросы возникают перед нами постоянно. Монография эвристична.

В монографии постоянно подчёркивается «преemptивность христианством мифологической картины мира» (с. 31) – поэтому В.П. Ершов доказательно соотносит Еммануила с богами-малютками, копьё архистратига – с тирсом Диониса, трёхглавого дьявола – с различными богами-поликефалами. Книга изобилует подобного рода сопоставлениями. Они убеждают: сколь ни велика мера новизны в христианстве, но у него имелись предтечи – многие языческие элементы были ассимилированы им, получив при этом подчас настолько разительную трансформацию, что кажутся новообретениями. На самом деле они обременены тысячелетней культурной наследственностью.

Хочется отметить философскую глубину исследования. Заключительная глава книги – «Плач об утраченном времени» – может быть прочитана как самостоятельное эссе, где брошен новый свет на известную оппозицию:

АФИНЫ ИЕРУСАЛИМ

(циклическое время, обеспечивающее (векторное время, задающее повторяемость событий) асимметрию ходу истории)

Икона «Архангел Михаил – воевода» связана с Апокалипсисом. По мнению В.П. Ершова, здесь предпринята попытка преодолеть трагическую необратимость линейного времени – и воспроизвести на новом повышенном основании древнейшую мистерию пересотворения мира. Прямая снова замыкается в круг? Или закручивается спиралью? Наблюдения В.П. Ершова увлекают. Они содержат в себе потенциал отдельных крупных исследований.

Не хочется закрывать эту книгу.

Сколько нового и интересного!

